

М.В. Синютин

КАЧЕСТВЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ УВЕРТЮРА К СПОРУ ЭКОНОМИСТОВ О МЕТОДЕ

Автор статьи утверждает, что в основе методологических диспутов должна лежать онтология. Им обосновывается обращение экономической науки к онтологическим идеям современной социологии. Социальная онтология, которая предлагается в статье, базируется на совершенствовании наших представлений о социальных отношениях, приводятся их наиболее значимые характеристики. Экономическая сфера социальной реальности рассматривается как система отношений особого вида.

Ключевые слова: социальная онтология, историзм, реляционизм, социальная реальность экономики.

Keywords: social ontology, historicism, relationism, social reality of economy.

В современной экономической науке повысился градус методологических дискуссий. Различия в подходах отражают разницу в понимании предметной области своей дисциплины: чем больше экономисты приходят к осознанию существования методологических противоречий, тем очевиднее полемика переходит в область онтологии. Тем самым подтверждается старая истина, согласно которой способы исследования объекта находятся в существенной зависимости от свойств его реальности.

Если видеть ключ к методологическим проблемам экономической науки в онтологии, то возникает вопрос об экономической реальности, — что она собой представляет, каково ее место в действительном мире и каковы ее существенные характеристики. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Во-первых, предлагается, исходя из наиболее общих параметров членения объективной реальности, рассматривать экономическую реальность в качестве составной части социальной реальности. Как следствие, вырастает необходимость социологического обоснования экономической онтологии.

Во-вторых, перспективы совершенствования воззрений на социальную реальность усматриваются в развитии принципов историзма и реляционизма. Текущие тенденции в социологии позволяют выявить и обосновать их приложение.

В заключение делается попытка качественного определения экономики как сферы социальной реальности, где на передний план выходят ее особенности в качестве саморазвивающейся системы социальных отношений особого вида.

1. Обоснование социальной онтологии в экономической науке

Несмотря на то, что как экономисты, так и социологи часто брали на себя груз обоснования исследуемой ими реальности вместе с разработкой требуемой для этого методологии, собственных средств для решения подобной задачи они не имели. Им приходилось использовать свои философские ресурсы, от которых в итоге зависели способы изучения экономики. Путь к решению поставленных нами задач аналогичным образом начинается с уточнения философских основоположений, на которых будет строиться дальнейшая логика работы.

В том случае если общество рассматривать существующим в действительности, а не только в нашем воображении, то надо установить его место в структуре объективного мира. Признавая единство этого мира, важно внутри него отграничить общество как от природы, так и от мышления, что соответствует принципам троичности объективной реальности и несводимости друг к другу этих базовых сфер. Отдельность и автономность этих трех составляющих в качестве форм или сфер объективной реальности указывает на наличие принципиальных отличий в их устройстве. Мышление, общество и природа не обособлены друг от друга абсолютно, их взаимосвязь реальна и важна для исследования каждой из сфер.

Отталкиваясь от такого понимания реальности общества, сформулируем соответствующие методологические выводы. Единство объективной реальности позволяет признавать возможность общих способов познания всех трех сфер. Со стороны научной формы познания в качестве таковых можно видеть методы диалектики. К ним относятся принципы системности, каузальности и развития объективной реальности.

С другой стороны, всеобщность методов проистекает не только из единства мира, но и из общности познания, проявляющейся в формали-

зации действий мышления. На современном этапе научной эволюции такая общность обеспечивается формально-логическими методами (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстракция и конкретизация и др.), которые не зависят от объекта, хотя возможности их приложения к отдельным объектам могут варьироваться из-за свойств объекта и его отношения к познающему сознанию. Математические методы входят именно в эту группу методов, и, следовательно, не являются отличительной характеристикой ни естественных, ни когнитивных, ни социальных наук. Отвергать математические методы так же неверно, как отказываться от логики. Однако способ применения как логических, так и математических методов целиком зависит от содержательных методов.

Признание различий трех базовых сфер бытия позволяет прийти к выводу о наличии трех ключевых способов познания, характеризующихся в качестве содержательных методов. Конечно, возможно говорить об изучении естественными и социальными науками мышления, когнитивными и социальными науками природы, естественными и когнитивными науками общества, но всякий раз речь идет об изучении с внешней стороны, а не со стороны внутреннего содержания. В научной повседневности подобные познавательные практики обозначаются как использование метода одной науки в области объекта другой науки, но содержательных истин в чужой области они не раскрывают, совершенствуя собственную предметную базу.

Руководствуясь обозначенными философскими уточнениями, можно высказать соображения, действительные для экономической науки. Экономистам приходится пользоваться как диалектическими, так и формально-логическими методами. Однако поскольку ни те, ни другие не выявляют специфики интересующей сферы реальности, то главную роль в определении экономики играют содержательные методы. Содержательность методов экономической науки вытекает из отнесения ее объекта к социальной реальности, а не к реальности природы или мышления: природа и мышление исключаются из объекта экономической науки. Получается, что содержательные методы сближают экономическую науку с социальными науками и отделяют ее от естественных и когнитивных наук.

В силу указанных обстоятельств экономическая наука нуждается в пересмотре своего отношения к естествознанию и методам естественных наук. Необходимо ее разъединение с науками о природе и объединение с науками об обществе как по онтологии, логике, эпистемологии, методологии, так и по понятийно-категориальному аппарату. Это значит, что экономистам следует разделить, а во многом и создать из уже имеющегося материала научный язык, принимаемый социологами, политологами, демографами, этнографами, антропологами и другими обществоведами.

Подобного рода постановка вопроса не вступает в противоречие с предложением Дж. Ходжсона (Hodgson 2004: xiv-xv) усилить диалог между социальными науками, биологией и психологией, когда акцент делается на решении онтологического понимания причинности в сфере социальной реальности.

Предложение Дж. Ходжсона имеет двоякий смысл, что не должно вносить путаницу. Первая мысль состоит в том, что экономика нуждается в эволюционном методе по примеру биологии. Иными словами, предлагается распространить в экономической науке достижения, сделанные некоторыми естественными науками во главе с биологией и представляющие вклад в общенаучные диалектические методы. Те качества, которые были обнаружены в природе как сфере объективной реальности, распространяются на остальные сферы, им придается всеобщий характер. Однако вследствие такого перехода вырастает проблема видоизменений, вызванных конкретизацией метода на почве особенностей социальной реальности. Вторая мысль состоит в важности изучения той действительности, которая находится «на стыке» экономической науки и биологии. Здесь научный интерес выражается в фокусировании на переходе одной сферы реальности в другую, т. е. на сравнительно узкой проблеме, нуждающейся в состыковке двух существенно различающихся методологий: естествознания и обществознания.

Трудности, с которыми сегодня сталкиваются экономисты в онтологическом обосновании исследуемой реальности, существуют давно и широко известны, но их нельзя игнорировать. Наоборот, они требуют внимательного отношения, поскольку вызваны достаточно весомыми причинами. Одна из проблем порождается отказом от признания самостоятельной социальной реальности, а вытекающее отсюда раздвоение сферы бытия на природу и культуру несет опасность сведения социологической реальности к человеческому мышлению и уподобления социологического способа познания когнитивным наукам. Такая крайность распространена в социологии и может быть охарактеризована как эпистемологизация онтологии. Риск подобного рода также содержится в недавно высказанной В. Ефимовым идее интерпретативной онтологии (Ефимов 2007а; 2007б). Как правило, в таком случае социальной реальности всегда предшествуют предзаданные смысловые формы субъективного или объективного порядка. Подобного рода интерпретативная методология нацелена на толкование смыслов культурного контекста, отказываясь от изучения причинности, имеющей онтологическое значение. Поэтому неизбежной становится утрата онтологических целей исследования и замена их проблемой познавательных средств.

Противоречия в определении реальности экономики побудили многих экономистов остановиться на априорности основных онтологических положений, что, безусловно, позволило совершенствовать мето-

дологический аппарат экономической науки. Причем доверие к формальным методам возросло скорее ввиду их проверенности и успешности на ином материале, в области естественных наук, чем в силу углубления представлений об экономической реальности. Стало преобладать упрощенное суждение о том, что онтология подразумевает «картину реальной действительности». Произошел переход от изучения самой реальности к изучению ее «изображений». Иными словами, изучаться стали не свойства реальности, а свойства нашего мышления по поводу этой реальности. Обратной стороной случившегося стало отставание онтологических разработок, необходимых для научного развития.

Теперь онтология стала редуцироваться то к эпистемологии, то к логике. Нельзя не заметить, что основания такой редукции есть как в самой природе познания, так и в современной стадии научного понимания единства онтологии, логики и эпистемологии. Если рассматривать познание в качестве сложного многостороннего отношения, то за единством нельзя терять, во-первых, определенность знания со стороны объективности содержания, во-вторых, определенность знания со стороны субъективности формы, и, в-третьих, определенность знания со стороны способов и средств фиксации объективной реальности в субъективной форме (Ильин 1993: 160). Когда же ступенчатость не видна, то в познавательной деятельности мышления усиливается роль формально-логических операций. Именно такое положение наблюдается в экономической науке.

В ситуации, когда экономический момент социальной реальности требует сложных способов познавательной деятельности для выделения в объект самостоятельного исследования, возникает соблазн упрощенного варианта определения дисциплинарных границ экономической науки согласно методу. Причем метод может не только вытекать из формальных сторон нашего познания, но и возникать ввиду односторонности трактовки исследуемой реальности. Примером последнего служит усиление интереса к нормативно-ценностной реальности, чему значительно способствовал институционализм. Здесь экономическая наука столкнулась с заменой онтологии на деонтологию, что выразилось в сведении социальной реальности к институциональной реальности.

2. Историчность социальной реальности

В целях усиления содержательной составляющей в методологии экономической науки представляется возможным обоснование специфики социальной реальности как сферы бытия. К числу наиболее значительных атрибутов общества мы предлагаем относить историчность и реляционность. Раскрыть их — задача не простая. Но накопленный социаль-

ными науками опыт свидетельствует о постоянном совершенствовании способов решения данной задачи.

В европейской научной традиции осмысление историчности в качестве атрибута социальной реальности происходило одновременно с утверждением в философии вместо принципа субстанциализма, представляющего мир в качестве вечных и неизменных сущностей, принципов универсальной изменчивости и саморазвития всего бытия. Под влиянием последнего процесса преходящая, изменчивая и конечная реальность приобретала не свойственные ей в прежней философии черты онтологически значимых сущностей. Парадоксальным образом теперь, становясь существенным свойством всякой реальности, изменчивость должна была приобретать черты конкретности, отличающие ее от других сфер и областей реальности. Однако это обстоятельство было осмысленно только со временем.

Первоначально проводником принципа универсальной изменчивости в широких научных кругах стала эволюционная концепция, задавшая новые теоретические параметры благодаря творчеству Ч. Дарвина. Как показало время, распространение эволюционизма в биологии и смежных с ней областях естествознания оказалось делом менее сложным, чем применение в общественных и когнитивных науках. Требовалось провести разграничение и в то же время выявить связи между процессами биологической эволюции человека и социального развития общества. Дополнительные трудности подобному применению создавало то обстоятельство, что концепции историзма и эволюционизма на тот момент имели разные философские обоснования.

Экономистам хорошо известен пример историзма, который исповедовала немецкая историческая школа. Такое исследование не шло дальше простого описания и систематики выявленных фактов экономической реальности в их исторической последовательности. Но уже Т. Веблен (Веблен [1898]), обозначив этот подход экономической таксономией, указал на его недостатки, в особенности, на отсутствие метода выявления реально действующих причин. Подобного рода историзму противопоставлялся эволюционный подход к экономике. Поэтому в сознании экономистов стало преобладать представление о расхождении историзма и эволюционизма.

В нынешней научной ситуации историчность социальной реальности целесообразно рассматривать с привлечением достижений эволюционизма, стараясь при этом яснее очертить детали его конкретизации. Самыми существенными моментами историчности выступают изменчивость, необратимость, самовоспроизводство, кумулятивность и проактивность онтологических параметров социальной реальности.

Изменчивость, понимаемая в качестве последовательной причинной связи событий во времени, присуща всякой реальности, миру жи-

вой и неживой природы, равно как и обществу. В контексте понятия историчности мы имеем дело с определенным типом социальной изменчивости, который характеризуется особыми формами с соответствующими временными шкалами. Такая шкала привязана к режиму производства и воспроизводства человеческой жизни и зависит, с одной стороны, от объективации в предметах потребления, а с другой, от процессов социализации и институционализации. В каждой из областей социальной реальности, куда относится и экономика, задачи научного исследования лежат в плоскости рассмотрения адекватной конкретному объекту временной шкалы. Так, например, вхождение Эстонии в зону евро и восстановление лесных ресурсов после пожаров в Испании касаются различных шкал социальной изменчивости.

Историчность связывается нами с изменчивостью онтологически значимых моментов социальной реальности. Или, другими словами, сталкиваясь с социальной реальностью, мы имеем дело с сущностями, находящимися в постоянном изменении, с сущностями, которые являются временными и ограниченными формами существования. Поэтому задача всякого ученого, изучающего данную реальность, в том числе экономиста, состоит в разработке категориального аппарата, способного выразить качественную определенность носителей непрерывной текучести свойств.

Изменчивость социальной реальности объясняется тем, что людям надо постоянно поддерживать и воспроизводить жизнь, ради чего необходимо регулярно удовлетворять соответствующие потребности. Удовлетворение ряда важнейших потребностей обеспечивается созданием и воспроизводством отношений между людьми. Режим удовлетворения потребностей диктует условия для типа изменчивости соответствующих социальных отношений. Таким образом, при обращении к типу изменчивости экономических форм надо руководствоваться режимом удовлетворения соответствующих потребностей. Выходит, что любое исследование экономической реальности должно начинаться с рассмотрения типа изменчивости его существенных моментов.

Историчность социальной реальности предполагает необратимость изменений форм существования, отличную от необратимости в природе. Если для животного мира необратимость связана с фиксацией на генетическом уровне, то в социальной реальности мы имеем дело с механизмами передачи практики внешним опытом. Так, исчезновение в России сельской поземельной общины стало необратимым в силу закрепления практики хозяйствования, требовавшей иных форм внешнего опыта, и прекращения прежних общинных практик. Можно сказать, что все существенные элементы экономики являются необратимыми событиями.

Необратимые изменения в обществе носят одновременно кумулятивный и проективный характер. Речь идет о взаимосвязи обусловлен-

ности форм существования социальной реальности их прежним состоянием с набором возможностей воспроизводимых ими дальнейших форм. Причем всякое последующее развитие зависит от социальных возможностей, заложенных путем усвоения на стадии становления. К примеру, процесс установления в нашей стране системы централизованно-плановой экономики стал результатом постепенно накопленных, хотя и вариативных изменений на предшествующем историческом этапе, однако результат этого процесса предопределил воспроизводимые формы экономической реальности на значительный отрезок последующего времени. В то время как Т. Веблен призывал обратить внимание на кумулятивные причины экономических явлений, сегодня мы должны добавить еще, что эти же явления обладают и проективными последствиями. И то, и другое подлежит выявлению в процессе экономического исследования под знаком историзма.

Наиболее значительным моментом изменчивости социальной реальности выступает самовоспроизводство. Оно встречается и в других сферах реальности, но в социальном способе воспроизводства мы находим наиболее существенное содержание историчности. Временные формы социального существования способны приобретать самостоятельность друг от друга, но при этом воспроизводить новые отличные формы. Между ними образуется сложная процессуальная зависимость, приобретающая вид системности. Системы воспроизводства возникают благодаря способности социальной реальности к внешнему полаганию и к постоянному возобновлению взаимополагания и перепологания. Наиболее наглядным примером служит историческое самовоспроизводство капитализма путем возобновления процессов взаимополагания наемного труда и капитала.

Чтобы ученые могли раскрыть процессы социального воспроизводства, им надо в области социологической теории перейти от элементарности к комплексности, нарушающей пределы прежней бинарной оппозиции структуры и действия. Важно, чтобы исследователи видели системную реальность причинных сил и их источников, чтобы их понимали как тенденции и потенции. Н. Луман продемонстрировал, что новый уровень понимания причинности возможен благодаря теории самореферентных систем. «Рефлексивные отношения такого рода, — писал он, — революционизируют не только классическую субъект-объектную эпистемологию; они не только освобождают научную теорию от догм и “натурализируют” ее, но и обеспечивают намного более комплексное понимание объекта посредством много более комплексного дизайна теории... Такая теория требует понятий для форм, относящихся к уровню соотнесения связей» (Луман 2007: 33). Подобный подход рассматривает характеристики всех уровней системы в качестве производных от комплексности самой системы. Последняя конституирует опре-

деленность всех элементов, свойств и отношений системы. А проблема самих отношений между элементами представляется в качестве «обусловливания».

Посмотрим на следующий пример. Действия корейского менеджера одной из корпораций будут не объяснимы без внимания к личным и родственным отношениям. Экономист, подходящий к вопросу формально, скажет, что надо искать рациональность, выводящуюся из его корпоративных функций, и если менеджер ей не следует, то это не нормально, это уже не экономика. Но экономист, заинтересованный в содержательном исследовании, обязательно будет искать уровень системной реальности и поэтому исследует функции менеджера в контексте личных и родственных отношений, что и составит подлинную экономическую реальность. Одни и те же виды деятельности в разных контекстах могут принимать характер экономических, а могут и не принимать. И только сама система, посредством самореференции определяет, когда и какую деятельность она включает в экономическую реальность, или, словами Н. Лумана, конституирует их экономическую определенность.

По мере конкретизации историчности социальной реальности мы неизбежно встречаемся с настоятельной необходимостью определения ее реляционности. Самовоспроизводство общества переносит исследование на уровень общественных отношений. Поэтому при экономическом исследовании должно иметь место движение от историзма к релятивизму. Если, например, перед нами стоит задача рассмотрения социального воспроизводства индийской системы джаджмани, представляющей вид обмена услугами, то неизбежно придется обратиться к анализу сложной совокупности отношений среди каст и варн, а также ритуальных способов регламентации социального взаимодействия.

3. Отношения как социальная реальность

Кажущееся сегодня обыденным представление о том, что социология изучает реальность социальных отношений, на самом деле еще не получило должной интерпретации. Как ни странно, социологическая традиция со времен классики XIX в. не придавала настолько серьезного значения отношениям, чтобы наделять их основополагающей онтологической ролью. В мышлении социологов преобладала идея, что первичны объекты, а отношения между ними — вторичны. Поэтому отношения рассматривались лишь в отдельных аспектах их бытия, что, как правило, вело к их редукции до актов взаимодействия. Слабость подобной позиции состоит в том, что всякое отношение выступает лишь в виде эманации, проистекания, установления того, что остается внутри. Отсюда возникает ложное представление не только о вторичности и производности, но также о традиционности и консервативности социальных отношений.

Еще более удивительным покажется невнимание социологов к социальным отношениям, если вспомнить, что их онтологическая роль была уже давно обозначена работами К. Маркса и Г. Зиммеля. Положение принципиально не изменилось в XX столетии, несмотря на некоторые попытки реанимирования концепции социальных отношений (Н. Элиас, Х. Уайт, П. Бурдьё и др.). В последние десятилетия, по мере усиления кризиса в социологической теории, явно обозначилась перспектива дальнейшего совершенствования под именем реляционизма (П. Донати, М. Эмирбайер, Н. Кроссли).

Реляционизм утверждает онтологическую реальность социальных отношений. Именно отношения наделяют все элементы и обособленные сущности значимыми в данной реальности качествами. Реализация отношений происходит в человеческих действиях, которые имеют место в разворачивающейся динамике ситуаций и диалогичны по своей сути. Сами действия всегда лишь фрагменты, они частички отношений и вне отношений действия не имеют социального смысла, бессодержательны. Все прежние качества элементов, включившихся в отношения, преобразуются, принимают иной вид, порождая и новые отношения. Отношения имеют онтологическое преимущество перед структурами, поскольку содержат взаимообусловленность и взаимоувязывание компонентов. Без отношений не бывает ни структур, ни действий. Природа отношений всегда условна, подвижна, она не является целиком самостоятельным качеством, а получает его от порядка элементов структуры взаимодействия.

М. Эмирбайер писал, что с реляционной точки зрения «сами члены или единицы, вовлеченные во взаимодействие, извлекают свое значение, смысл и идентичность из (меняющихся) функциональных ролей, которые они играют во взаимодействии. Последнее, рассматриваемое как динамический, разворачивающийся процесс, становится более важным предметом анализа, чем сами компоненты» (Emirbayer 1997: 287).

Исходная характеристика социальных отношений подмечена давно и высвечивается многими направлениями социологии, хотя и по-разному. Она заключается во взаимоотношении социальных свойств сторон. Это представление одного в другом, взаимное наделение социальными функциями, приписывание социального положения, конструирование идентичности сторон.

Два объекта или аспекта, как считается, внешне соотнесены, когда ни один из них не создается тем отношением, в котором они находятся друг к другу. Наоборот, два объекта, как считается, внутренне соотнесены, когда они есть то, что они есть, или могут делать то, что делают, исключительно благодаря тому отношению, в котором они находятся друг к другу. Любые социальные формы создаются социальными отношениями, которые производятся субъектами, взаимно ориентированными

друг на друга на основе смысла, превосходящего функциональные требования.

Н. Кроссли подчеркивает: «Отношения важны, потому что они делают возможным и принуждают к совершению действия. И различные отношения делают это по-разному. Это также предмет более широких сетей отношений, которые однако содержат в себе индивидуальные отношения, добавляя дальнейшие возможности и ограничения» (Crossley 2011: 16). Люди взаимообуславливают свои действия, создают среду для другого, тогда как а priori они также уже поставлены природой в определенные отношения к другому. И каждое новое взаимообуславливание чревато изменением существующих отношений. Вместе с тем связи группы существуют не только благодаря идентификации их участниками, но и благодаря категоризации теми, кто в них не включен, а состоит в другой групповой связи.

В экономике взаимополагание осуществляется множеством отдельных форм: работник — работодатель, продавец — покупатель, землевладелец — арендатор, капиталист — наемный рабочий, рабовладелец — раб и т. п. Точно так же взаимоположенными являются такие структурные компоненты экономики, как производство, распределение, обмен и потребление. Они приобретают свое социальное значение лишь во взаимосвязи и взаимоопределении. Соответственно, их отвлеченное рассмотрение ведет к потере их содержательного момента в качестве социальных отношений системного порядка.

Вторая особенность социальных отношений осознается реже и еще не имеет устойчивого понятийного выражения. Она заключается в социальной связующей силе, или устойчивой определенности взаимосвязанных социальных процессов. Здесь фиксируется степень соотносительности, или код сложности, относящийся не к соединяемым полюсам, но касающийся самого отношения. Воспользуемся для обозначения данной особенности понятием валентности.

Валентность принято понимать как способность одного объекта взаимодействовать с другими объектами. Данное понятие применяется в нескольких науках: в химии это мера способности атома образовывать связи с другими атомами, а в лингвистике — способность слова сочетаться с другими словами (или количество значений, возможных у слова). Используется оно в психологии и математике. Однако наиболее успешные результаты извлекаются там, где исследовательский интерес сосредоточен на отношениях, что и объясняет востребованность категории социальной валентности в социологии социальных отношений.

Подчеркнем, что экономические отношения являются поливалентными, т. е. имеют высокую степень валентности, что позволяет им соотноситься со многими другими формами социальных отношений, проникать в них и оказывать влияние, создавая поверхностную видимость

превращения этих форм в экономические формы. В качестве примера подобного проникновения возьмем сферу образования. Сегодня есть тенденция приписывать ему статус услуги, хотя со стороны обеспечиваемых сферой образования потребностей оно не принадлежит к экономике. Соотнесение с экономикой вызвано не «материальностью» или «редкостью» услуги, а невозможностью налаживания данной сферы безотносительно жизненных потребностей ее агентов. Учителя удовлетворяют свои жизненные потребности от профессионального дохода, что делает возможным совпадение ролей преподавателя и работника. Кстати, само по себе отношение работника и работодателя не имеет экономического содержания, а где оно есть — получает его от системы. Иногда же, как в случае волонтеров, оно может принимать вид безвозмездного труда и не удовлетворять потребности в жизненных средствах. Но в сфере образования именно приписывание статуса услуги позволяет сформировать отношения работника и работодателя. Только через этот статус образование может стать социальной реальностью, а значит, оно не будет реально без связи с экономикой.

Третья особенность социальных отношений широко известна в качестве особых морально-принудительных сил и состоит в приписывании функции определенному объекту или фрагменту реальной действительности, что ведет к наделению их социально реальным статусом. Это приписывание позволяет осуществлять определенные действия, иным образом не осуществимые или имеющиеся только потенциально. Данное нормативное качество предоставляет возможность формировать особые типы полномочий, известные как права, обязанности, обязательства, санкции, разрешения, доверенности, требования и удостоверения. Но главное — что это мощные силы социальной реальности, действующие, когда другие признают за человеком определенный статус, порождающий не зависящие от желания основания для поведения особого рода.

В экономике мы встречаемся с множеством явлений, в которых проявляется приписывание функции. К ним относится возникновение и приобретение статуса, например, предмета потребления, меновой стоимости, денег, капитала, кредита и т. п. Но все они имеют место только в системе социальных отношений. Например, у народов банту в Западной Африке вменение статуса земледельца женщинам связано с приписыванием им силы влияния на плодородие. Однако сила приписывалась женщинам, рождавшим детей, а значит, вступившим в брачные отношения. Само это вступление также вытекало из предшествующих отношений. Таким образом, стать земледельцем можно было, лишь пройдя определенные стадии социализации через систему социальных отношений. На обладателя статуса воздействует вся совокупность социальных отношений, в которые он был погружен в процессе жизнедеятельности.

В завершение разговора о релятивности мы пришли к заключению, что три названные особенности социальной реальности взаимообуславливают и взаимодополняют друг друга, а их обособление каждый раз будет приводить к односторонности исследования, которая, например, наблюдается в случае институционализма. Эти три стороны одного целого с необходимостью присутствуют в экономической сфере социальной реальности. Поэтому дальнейшей задачей социальной онтологии служит их концептуализация в экономической науке с учетом ее современного состояния.

4. Социальные отношения экономики

После того, как выявлены историчность и реляционность социальной реальности, возникает вопрос о том, какую качественную определенность должна приобрести экономика. Все, что мы можем взять из современного опыта экономической науки, сводится к трем способам нахождения этой определенности. Но прежде чем их рассмотреть, следует принять точку зрения онтологического монизма. Это означает, что, допуская вариативность способов исследования экономики, мы будем придерживаться утверждения о наличии единственной экономической реальности. Такая конкретная реальность сложна и многогранна, но едина в своей сущности. Не могут существовать одновременно в рамках одной социальной реальности две различных экономики.

Критериями выделения экономики сегодня предлагаются характеристики либо объектов, которые выступают средствами обеспечения человеческой жизнедеятельности, либо логики человеческих поступков. В первом случае речь идет либо о материальности, либо о редкости объектов. Во втором случае критерием становится рациональность использования объекта.

Материальность объектов одно время мыслилась в прямом значении принадлежности к миру материальных вещей. Но обнаружилось, что это естественное качество вещей не может выступать критерием обособления тех отношений, которые строятся вокруг этих вещей. Не все вещи становятся объектами экономических отношений. Поэтому значение материальности было сужено до соответствия человеческой материальной потребности. Однако тогда из экономики исключались отношения, возникающие по поводу предметов удовлетворения духовных потребностей, хотя сами предметы в таком случае могли обладать не меньшей материальностью, чем предметы удовлетворения материальных потребностей.

При такой постановке вопроса упускалось, что материальность объектов потребностей выступает социально определенным качеством, т. е. что предмет удовлетворяет материальной потребности воплощенной в нем социальной реальностью. На основе этого положения экономиче-

ские отношения рассматриваются не отношениями людей к объектам, а отношениями между людьми по поводу объектов. А материальность здесь не в том, что материален объект (средство удовлетворения потребности или предмет потребления), а в том, что в нем материализована социальная реальность. Тут мы имеем дело с появлением нового уровня реальности — объективированной человеческой деятельности, или овеществленного труда. Но в силу односторонности понимания самого труда как естественно-технологической стороны процесса объективирования идея его социального содержания не получала развития.

Материальность объектов в качестве критерия экономики сохраняла свою роль ввиду устойчивости представлений о непосредственной взаимоотношенности производства и потребления. Однако по мере совершенствования анализа явлений обмена пришлось сменить критерии человеческой объективированной деятельности. В объектах обмена, или товарах, обнаружился новый уровень реальности, хотя порожденный производством и потреблением, но приобретший самостоятельное существование. Согласно бытовавшим представлениям о природе материальности, ее значение теряло свою роль в новой реальности обмена. Теперь вне зависимости от естественных качеств вещи и характера потребностей, которые они призваны удовлетворять, а также вне зависимости от естественно-технологической стороны процесса труда, экономическая реальность становилась возможной лишь посредством способности объекта к обмену. В результате сообщество экономистов предложило и обосновало в качестве критерия объектов экономической жизнедеятельности редкость.

Под редкостью объектов стали понимать ограниченность доступа к ним. Но и в данном случае социальная определенность избранного критерия ушла от внимания экономистов. На первом плане оказалось количественное соотношение между доступными распоряжению и соответствующими потребности объектами. Как следствие был открыт простор математическим методам анализа экономики и потерян интерес к социологическим подходам. Отношения, которые делают объекты доступными, с одной стороны, и нужными, с другой, покинули пространство экономической науки, а сами указанные параметры приняли априорный характер. Вместе с тем экономисты потеряли научный интерес к процессам и отношениям, в ходе которых объекты потребляются, минуя сферу обмена, или выходят из обмена ввиду потери своей способности удовлетворять потребности.

По своей сути переход к критерию редкости при определении сферы экономики привел к тому, что экономисты могли теперь еще меньше, чем прежде, обращать внимание на объект, по поводу которого возникают отношения. Вполне было достаточно фиксировать формальную сторону объективирования, т. е. признавать объект действительно суще-

ствующим. Всякая внешне соотнесенная человеческая деятельность могла служить предметом экономического анализа. Само количественное соотношение доступности и надобности перешло в плоскость соотношения целей и средств, что нашло отражение в понятии рациональности. Таким образом, возник новый критерий экономической сферы, а экономическая наука приняла вид теории рационального выбора, или теории принятия решений в пространстве редкости.

Сложившаяся тенденция быстро показала, что техника расчета рациональности может нигде не применяться в действительности, в то время как в реальной хозяйственной практике люди руководствовались иными основаниями, например, традициями или привычками. Возник вопрос о пересмотре онтологических оснований науки. Отчасти решить возникшие проблемы позволила идея о социальной укорененности экономического действия, т. е. об обусловленности рациональности социальной средой. Но таким образом экономическая реальность противопоставлялась социальной реальности.

Все три принятых критерия выделения экономики чреватые разрывом с социальной реальностью, поэтому мы предлагаем поставить социальную определенность экономики на первое место и с этих позиций найти ее специфическое качество. Отталкиваясь от принципов историзма и релятивизма в социальной онтологии, определить качественную определенность экономики можно лишь по результатам исследований, а не а priori.

Историчность экономической сферы означает, что мы имеем дело с процессом социального воспроизводства, необратимо совершающегося в исторической шкале времени. В таком случае о реальности и границах экономики можно судить только на основании представлений обо всей социальной системе, зная темпы и источники свойственного ей способа воспроизводства. Поэтому социальная реальность современной глобальной экономики будет иметь совершенно иные качественные параметры, чем социальная реальность примитивной экономики эпохи неолита. Для каждого из этих типов экономики будут действовать присущие ему кумулятивные и проекционные причинно-следственные зависимости, зависящие, например, от темпов смены поколений, производственных циклов, ритмичности и способов профессиональной социализации и др. Раскрыть их вне конкретного контекста социальной системы не представляется возможным.

Релятивность экономики проявляется в форме отношений, обладающих взаимоположением, функциональным приписыванием и валентностью ко всей социальной системе. В экономической сфере социальной реальности мы можем найти такие коллизии, как взаимоположение производства и потребления, приписывание функций ее составным частям, — идет ли речь о современной промышленной фирме или сред-

невековом городском меняле, — наконец, как необходимость увязывания хозяйствования с религией, например, в Древнем Вавилоне.

В итоге мы пришли к определению, что экономические отношения являются сферой исторически самовоспроизводящихся взаимоположенных социальных отношений такого типа валентности, в силу которого объекты человеческой жизнедеятельности наделяются социальной функцией предметов потребления. Существенной характеристикой предметов потребления выступает зависимость удовлетворения конкретной данной потребности от внешнего ей объекта. Но такой объект приобретает названную социальную функцию не всегда, а лишь включенный в общественные отношения, известные нам в качестве отношений производства, распределения, обмена и потребления, хотя вовсе не тождественные физической стороне данных моментов. Нельзя смешивать, скажем, процесс потребления как удовлетворения потребности с отношениями по потреблению. Может статься, что сам процесс удовлетворения потребности происходит как в рамках экономики, так и за ее пределами. Экономике нельзя понимать как технологический процесс потребления, это социальные отношения.

Из экономических процессов исключаются объекты, которые только природа делает предметами потребления. И наоборот, те предметы потребления, которые таковыми становятся не по своей природе, а под воздействием социальных отношений, т. е. для потребления которых необходимо вступать в социальные отношения, — приобретают экономический вид. Но сами отношения такого рода начинаются с производства и часто обозначаются как производственные отношения. И чтобы служить предметами потребления, они всегда через общество должны стать предметами производства. Для современной социальной реальности такого преобразования оказывается недостаточно, поскольку объекты могут достичь потребления только путем приобретения статуса предметов распределения и обмена. Цепочка переходов и взаимообусловленностей представляет экономическую жизнь в виде сложного внутренне разнокачественного процесса.

Выделить предметность потребления в экономической реальности крайне важно, чтобы не преувеличивать ее границы до материальной жизнедеятельности вообще. Как известно, последняя имеет три стороны и отвечает потребностям в жизненных средствах, в охране здоровья, в деторождении. Однако отношения по поводу здоровья и воспроизводства людей не входят в область экономики, а составляют сферу демографических отношений. Они материальны, поскольку обеспечивают воспроизводство материальной жизни, но не связаны, в отличие от экономических отношений, с объективацией человеческих усилий во внешних предметах. Они объективируются в самом человеке, в его биологическом организме и не обладают отчуждаемостью, присущей эко-

номическим благам. Взаимосвязь же демографических и экономических отношений гораздо сложнее простой линейной зависимости и образует одну из перспектив дальнейших научных исследований.

Основной вывод из всего сказанного заключается в том, что реальность экономики — в многогранных социальных процессах, проявляющихся в сопутствующих изменениях материально-предметных условий как самостоятельной реальности. Конфигурация и качественная определенность экономики привязаны к эволюции потребления в структуре исторических способов жизнедеятельности и вырабатываются самовоспроизводящейся общественной системой. При таких обстоятельствах исследования экономической сферы становятся сложными и многоуровневыми, что ведет к множественности методов, но на базе единой онтологии. Вместе с тем подвижность онтологических параметров экономики заставляет исследователей формализовывать определения с тем, чтобы периодически сменять их.

Литература

Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной [1898] // Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент / Пер. с англ. Е. Виноградовой. [<http://www.ecsocman.edu.ru>].

Ефимов В. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. № 8. 2007а.

Ефимов В. Об интерпретативной институциональной экономике (научный доклад). М.: ИЭ РАН, 2007б.

Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Луман Н. Социальные Системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

Crossley N. Towards Relational Sociology. Routledge, 2011.

Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // The American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103. No. 2 (Sept.).

Hodgson G. The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism. Routledge, 2004.